

В Диссертационный совет Д 503.001.01 на базе Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Суздалевой Анастасии Дмитриевны на тему «Особенности коллизионно-правового регулирования отношений собственности, осложненных иностранным элементом», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»

Диссертация А.Д. Суздалевой посвящена проблематике коллизионного регулирования отношений собственности в международном частном праве. Автор отмечает в самом начале своей работы, что право собственности, являясь центральным институтом вещного права, лежит в основе всякой правовой системы и определяет характер иных институтов права конкретного государства. Изменения, произошедшие в общественных отношениях, обусловили модернизацию российского законодательства в сфере коллизионного регулирования отношений собственности, и этому вопросу в работе уделено достаточное внимание. Актуальность исследования подтверждает тот факт, что за последние несколько лет в ряде иностранных государств были приняты новые законы о МЧП и кодексы, в тексте которых получили выражение новейшие подходы к регулированию отношений собственности с иностранным элементом.

В обоснование необходимости исследования данной сферы А.Д. Суздалева отмечает, что на сегодняшний день уровень коллизионного регулирования в РФ сопоставим с кодификациями МЧП ведущих государств мира, вместе с тем, чем более полно и подробно осуществляется коллизионное регулирование отношений собственности, тем сложнее становится согласование действий соответствующих коллизионных норм.

Наиболее актуальными исследованиями в указанной сфере автор считает труды Ануфриевой Л.П., Асоскова А.В., Богуславского М.М., Вилковой Н.Г., Галенской Л.Н., Гетьман-Павловой И. В., Дмитриевой Г.К., Дорониной Н.Г., Ерпылевой Н.Ю., Кабатовой Е.В., Комарова А.С., Костина А.А., Мажориной М.В., Маковского А.Л., Марышевой Н.И., Семилютиной Н.Г., Толстых В.Л., Тюриной Н.Е., Цириной М.А. и др. Автор полагает необходимым прибегнуть и к трудам известных отечественных цивилистов, поскольку существует связь правового регулирования собственности в международном частном и гражданском праве. Именно поэтому диссертант обращалась к работам Гонгало Б.М., Габова А.В., Зинченко С.А., Курбанова Р.А., Мозолина В.П., Попондопуло В.Ф., Сеницына С.А., Скловского К.И., Суханова Е.А., Толстого Ю.К., Шерстобитова А.Е., Яковлева В.Ф., Якушева В.С. и др.

Поскольку в коллизионном регулировании отношений собственности проявляется публичный интерес, для автора оказалось важным проанализировать труды ведущих отечественных специалистов в сфере международного публичного права: Бахина С.В., Воловой Л.И., Нешатаевой Т.Н., Старженецкого В.В., Шумилова В.М. и др. Среди зарубежных авторов, занимавшихся проблематикой собственности в трансграничном аспекте, автор упоминает следующих ученых: Аккерманс Б., Базедов Ю., Бригге Э., ван Влие Л., ван дер Вейде Дж., ван Эрп С., Верхаген Х., Вестрик Р., Грациадеи М., д'Аву Л., Дробниг У., Каррутерс Дж., Кинингер Е., Крёйцер К., Куниберти Ж., Лехави А., Прадьюру С., Рамаэкерс Э., Рапп С., Роджерсон П., Сагаэр В., Саломонс А., Симеонидес С., Стагль Дж., Стерн Дж., Стивенс Р., Сторк М., Страйкен Т., Тан Дж.С., Уолш С., Флесснер А., фон Хейн Я., Хардинг М., Хей П., Хилл Д., Хилл Дж., Хуо Дж., Эрланк В. и др. Изучение и анализ их трудов позволили автору отразить в диссертационном исследовании многообразие точек зрения по проблематике собственности в международном частном праве и придать работе системный, завершённый вид.

В качестве цели диссертационной работы автор определил выявление существенных черт и особенностей коллизионного регулирования отношений собственности, позволяющих дать объяснение явлениям и проблемам, которые возникают в данной сфере регулирования. Для достижения поставленной цели автор сформулировал одиннадцать задач исследования, последовательно решаемых им в рамках диссертации. Автор уделяет особое внимание методологии исследования и применяет разнообразные научные методы в разных частях работы. Диссертантом соблюдены требования, предъявляемые к научной новизне:

во-первых, диссертант выделила особенности коллизионного регулирования отношений собственности, функционирования механизма правового регулирования отношений собственности и правовых режимов отдельных категорий объектов права собственности в МЧП;

во-вторых, диссертант выявила и дала авторскую оценку наиболее сложным и малоисследованным вопросам коллизионного регулирования отношений собственности: проблеме конкуренции коллизионных норм и конфликту квалификаций при установлении вещного статута, предлагая при этом оригинальные, авторские способы разрешения данных проблем;

в-третьих, диссертант сформулировала предложения по разрешению коллизионной проблемы, возникающей при регулировании правоотношений собственности, международно-правовыми средствами и предложила меры по совершенствованию российского законодательства в сфере коллизионного регулирования отношений собственности.

Работа состоит из введения, трех глав, десяти параграфов, заключения, перечня литературы на русском и иностранных языках, нормативных материалов и судебных актов. Структура работы в целом соответствует целям и задачам исследования. Во **введении** автором обосновывается актуальность выбранной темы диссертационного исследования, анализируется степень ее научной разработанности, определяется теоретическая и нормативная основа, аргументируется научная новизна,

излагаются выносимые на защиту положения, обосновывается теоретическая и практическая значимость диссертации.

Первая глава посвящена общему анализу основных концепций права собственности и систем перехода права собственности, закрепленных в национальном праве государств, поскольку они оказывают влияние на правовое регулирование отношений собственности, осложненных иностранным элементом. Подобное начало исследования является весьма логичным и подчеркивает необходимую теоретическую проработку автором темы диссертации. *В первом параграфе* сделан акцент на вещно-правовом подходе российского права, который зиждется на классической триаде полномочий собственника. Вещно-правовой концепции противопоставляется ценностная концепция права собственности, которая распространяет действие норм о праве собственности на все вещи и невещественные объекты, являющиеся оборотоспособными и обладающие признаками реальности и экономической ценности. Автором сделаны верные промежуточные выводы о том, что ценностная концепция наиболее близка к экономическому содержанию права собственности, а вещно-правовая модель лучше защищает объект собственности от внешних посягательств.

Интересным автору представляется реализация ценностного подхода в гражданском праве иностранных государств, поскольку именно гражданское право содержит определение понятия «имущество». Ценностный подход в той или иной мере, по заключению автора, реализован во Франции, Германии, Албании, Бельгии, Нидерландах, Аргентине, странах общего права и в Кодексе Бустаманте. Диссертанту, среди прочего, оказывается близка позиция Старженецкого В.В., который предлагает причислять к объектам права собственности все объекты, обладающие свойствами экономической ценности и реальности. В данном параграфе подробно раскрываются характеристики концепций унитарной и расщепленной собственности, механизмы консенсуальной системы перехода права собственности и системы традиции, а также выделяется система регистрации.

Во втором параграфе автор исследует коллизионное регулирование отношений собственности на международно-правовом и национально-правовом уровнях, сопоставляет источники правового регулирования отношений собственности, формулирует предложения по совершенствованию коллизионных норм международных договоров с участием Российской Федерации. Особый интерес представляют размышления автора об идее предоставления собственнику спорного (виндицируемого) имущества правомочия выбрать применимое право, а также о тенденции закрепления в региональных конвенциях и двусторонних договорах в основном унифицированных коллизионных норм, определяющих право, применимое к возникновению (прекращению), осуществлению и защите права собственности в отношении основных категорий имущества.

В третьем параграфе диссертант раскрывает понятие вещного статута и мобильного конфликта. Диссертант формулирует условия применения коллизионной привязки «закон места нахождения вещи» (*lex rei sitae*), указывает на специфические приемы коллизионно-правового регулирования отношений собственности, основным из которых отмечен прием фиксации места нахождения имущества в определенный законодателем момент времени. Диссертант считает неоправданным применение коллизионной привязки *lex rei sitae* для таких юридических категорий, как «вещь в пути» (*“res in transitu”*), бездокументарные ценные бумаги, воздушные, водные и прочие транспортные средства (если они не признаются недвижимостью в силу закона). Подобное несовершенство коллизионной привязки *lex rei sitae* побуждает автора искать иные пути определения вещного статута.

В основу **второй главы** положены сущностные черты коллизионного регулирования отношений собственности. *В первом параграфе* диссертант выделяет особенности функционирования механизма правового регулирования отношений собственности, осложненных иностранным элементом, приходит к выводу о неустойчивости правового титула

собственности в международном частном праве, вводит в материальное право понятие третьих лиц в правоотношениях собственности и указывает, что третьи лица являются потенциально более слабой стороной в международных частноправовых отношениях. По мнению автора, механизм правового регулирования трансграничных отношений собственности характеризуется многовариантностью содержания такого отношения при обманчивой простоте сформулированной законодателем нормы, выражающейся, в том числе, в наличии большого числа внутренних коллизий. Автор также указывает на необходимость разрешения международных споров о праве собственности в национальных судах и практическую затруднительность рассмотрения таких дел в международных коммерческих арбитражах.

Во втором параграфе автор выделяет особенности правовых режимов отдельных категорий объектов права собственности в международном частном праве, указывает на конкуренцию правовых режимов имущества в отношении одного объекта права собственности, означающую, что один и тот же объект права собственности может одновременно подпадать под действие нескольких правовых режимов. Диссертант приходит к выводу о размытости понятия «правовой режим имущества» в международном частном праве, которая обусловлена тем, что одна вещь может быть подчинена различным правовым режимам в зависимости от того, на территории какого государства она находится. Классификация режимов права собственности, по мнению автора, включает деление по критерию вида недвижимого имущества в трансграничных операциях, отнесение к недвижимости в силу природы, в силу закона, отдельные режимы для морских судов, судов внутреннего водного плавания, воздушных судов и космических объектов. Среди режимов движимых вещей в международном частном праве диссертант выделяет правовой режим движимых вещей как объектов материального мира, режим невещественных объектов права собственности в праве зарубежных стран, правовой режим товаров в пути,

режим движимой вещи, право собственности на которую возникает в силу приобретательной давности.

Третья глава посвящена насущным проблемам коллизионно-правового регулирования отношений собственности. Автор пытается разрешить проблему конкуренции коллизионных норм, конфликт квалификаций при определении применимого права к отношениям собственности с трансграничным элементом, урегулировать мобильный конфликт в отношении имущества, являющегося предметом титульного обеспечения. Диссертант связывает меры по разрешению проблемы конкуренции коллизионных норм с конкуренцией вещного и обязательственного статутов. Она предлагает установить приоритет вещного статута, который выражается не только в приоритетном применении к отношению собственности права, устанавливаемого в соответствии с коллизионным началом *lex rei sitae* или его модификациями, но также в приоритетном применении той из двух конкурирующих коллизионных норм, которая устанавливает большее число ограничений сферы применения принципа автономии воли сторон.

В третьей главе также доказывается, что сфера действия права, применимого к вещным правоотношениям, установленная в ст. 1205.1 ГК РФ, затрагивает вопросы квалификации понятий, содержащихся в тексте коллизионных норм, которые посвящены вещным правам (ст. 1205, 1206 и 1207 ГК РФ). Автором приводятся ситуации конфликта квалификаций, возникающие при применении способа квалификации понятий по *lex causae*: 1) в случае определения принадлежности имущества к движимому или недвижимому, 2) при толковании понятия «момент, когда имели место действия или иные обстоятельства, послужившие основанием для возникновения (прекращения) вещных прав», 3) в ситуации квалификации объекта гражданских прав в качестве объекта права собственности. В каждом указанном случае автором предлагается решение проблемы конфликта квалификаций. Спорный вопрос о способах разрешения проблемы признания

права собственности кредитора на имущество, являющееся предметом титульного обеспечения, может быть решен путем применения коллизионной привязки «закон страны местонахождения вещи» (*lex rei sitae*) в сочетании с привязкой «закон страны назначения имущества» (*lex destinationis*).

Следует отметить высокий научный уровень работы диссертанта: предложения, выносимые на защиту, в целом являются масштабными, последовательными и подкреплены рассуждениями в диссертации. Диссертацию А.Д. Суздальной характеризует оригинальность тематики, логичность изложения, комплексный подход к проблематике, высокая теоретическая и практическая значимость. Все это свидетельствует о достаточно существенном вкладе диссертанта в российскую науку международного частного права. Автором сформулированы теоретические и доктринальные подходы, которые качественно дополняют существующие научные знания в рассматриваемой сфере и, несомненно, могут быть использованы в дальнейших исследованиях по заявленной теме, при написании научных статей, книг и учебных пособий.

Отмечая высокий уровень диссертационного исследования, нельзя не поставить перед автором ряд вопросов и отметить следующие недостатки в работе:

1) Общий объем работы в 267 страниц, исключая титульный лист, оглавление и огромный перечень использованной литературы, нормативных и судебных источников, явно выходит за пределы жанровой целесообразности при написании диссертации на соискание степени кандидата юридических наук. Подобный объем можно было признать допустимым, если бы каждый из параграфов исследования являлся бы неотъемлемой и обязательной частью, однако очевидно, что работа не потеряла бы целостность, например, без параграфа 3.4. о способах разрешения коллизионной проблемы, возникающей при регулировании отношений собственности международно-правовыми средствами. В указанном параграфе исследуется унификация и гармонизация норм,

регулирующих отношения собственности, что несколько выходит за пределы первоначально обозначенных автором проблем коллизионно-правового регулирования отношений собственности, осложненных иностранным элементом, что является следствием увлеченности автором работами по международной публично-правовой проблематике и уводит нить последовательного рассуждения в сторону.

Вывод автора об эффективности создания модельных законов для преодоления разобщенности правовых систем также не укладывается в проблематику работы и может быть эффективно исследован отдельно, за пределами данной диссертации. Превышение допустимого для данного научного жанра объема исследования обычно является формой маскировки неудовлетворительных выводов, однако в данном случае не наблюдается слабость или недостаточность выводов, выносимых на защиту, поэтому наличие в работе избыточных рассуждений представляется совершенно неясным. Автору следует задаться вопросом: почему нельзя было сделать работу более лаконичной без потери качества исследовательского материала?

2) Во введении автор заявляет, что «выводы диссертационного исследования основаны на обобщении практики судов общей юрисдикции РФ, арбитражных судов РФ, МКАС при Торгово-промышленной палате РФ, судов по правам человека, а также на обобщении практики судебных учреждений иностранных государств». В работе есть сноски 171 и 172 на Определения Верховного Суда РФ, сноски 169, 170, 251, 252, 259, 261 на постановления арбитражных судов РФ различного уровня, ссылки на три решения Конституционного суда РФ есть только в библиографии, как и указания на одно решение ЕСПЧ и одно решение Суда ЕС. МКАС упоминается в работе дважды: на с. 10 и с. 112, указаний на его практику и решения в работе нет. Под номером 91 в библиографическом списке упомянуто одно зарубежное судебное решение. В целом, нельзя сделать вывод, что работа основана на обобщении судебной практики или на решениях МКАС при ТПП РФ, судов по правам человека и судов

иностранных государств. Данная практика встречается в работе фрагментарно и основные аналитические источники автора – это российская и зарубежная доктрина, а не практика правоприменения. Судебная практика «вживлена» в работу, но присутствует в ней как второстепенный источник.

3) В тезисах, выносимых на защиту, автор склоняется к мнению, что существует необходимость признания третьих лиц в правоотношениях собственности, осложненных иностранным элементом, слабой стороной. Это представляется автору особенностью, обусловленной тем, что в правоотношении собственности могут участвовать лица, не связанные контрактом и не имеющие возможности заранее предвидеть риски, связанные с осложнением правоотношения собственности иностранным элементом. Данные выводы и рассуждения являются расширительным толкованием п. 3 ст. 1206 ГК РФ и противоречат п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», где в качестве примера третьего лица приводится собственник, который утратил владение вещью и предъявляет иск о ее истребовании. Таким образом, Верховный Суд РФ использует понятие третьего лица из процессуального, а не материального права, и связывает возникновение данного статуса с предъявлением иска к собственнику имущества, наличием у третьего лица интереса в исходе дела и возможным влиянии указанного в статьях ГК соглашения на этот исход.

Автор в своей работе воспринимает третьих лиц как участников материально-правового отношения и придает им качества слабой стороны, что характерно для потребительских правоотношений гражданского права или клиентских правоотношений банковского и страхового права (с. 16, 22, 23, 25, 29, 30, 44-46, параграф 2.1.). Подобное расширительное толкование не соответствует тексту ГК РФ, позиции Верховного Суда РФ и является оспоримым выводом диссертационного исследования. Придание подобного статуса участнику гражданских правоотношений, осложненных иностранным

элементом, может сделать любые соглашения о собственности бессмысленными и неэффективными в силу вероятности появления слабой стороны после заключения соглашения либо даже до этого, если стороны об этом не знают. Гражданские правоотношения собственности, осложненные иностранным элементом, по своей природе являются правоотношениями равноправных субъектов, наличие слабой стороны в них является нонсенсом правового регулирования. Никакая асимметрия информации, правоспособности, капиталобеспеченности, профессионализма или иных сегрегирующих критериев в данных правоотношениях не выявлена учеными-юристами и не подтверждается в нормах права. Попытка автора систематизировать данное изъятие, сформулированное в законе и уточненное высшей судебной инстанцией РФ, на основе ограничения автономии воли сторон представляется неверным толкованием принципа автономии воли, поскольку третьи лица не являются субъектами данной автономии, а появляются лишь в процессуальных правоотношениях.

4) В диссертации содержится выносимый на защиту тезис о зависимости сферы действия принципа автономии воли сторон, применяемого при регулировании отношений собственности, от правового регулирования конкретного государства. При этом уточняются варианты ограничения сферы применения принципа и делается вывод, что «в различных правовых системах указанные ограничения и формы автономии воли образуют уникальное сочетание – особую для каждой правовой системы модель применения автономии воли сторон в коллизионном регулировании права собственности». Подробнее этому вопросу посвящен параграф 3.5. работы, где фиксируется возрастание регионализма в подходах государств к закреплению принципа автономии воли сторон. Из текста диссертации следует, что вместо обоснования тезиса об усилении регионализма в отношении автономии воли сторон автор по большей части исследует соотношение между принципом автономии воли сторон и принципом наиболее тесной связи (с. 245-264).

Сравнительный анализ непосредственно тезиса, вынесенного на защиту, автор делает «на примере государств Европы и Восточной Азии» (с. 237-244). В качестве примеров выступают правовые системы Китая, России, Нидерландов, Венгрии и Швейцарии, при этом делаются промежуточные выводы, что «анализ коллизионных норм внутреннего права РФ и *целого ряда зарубежных стран* показывает, что закрепление принципа автономии воли сторон, применяемого при регулировании отношений собственности, возможно в двух формах: прямой или опосредованной (непрямой)». Очевидно, что выборка стран для исследования автором не обоснована необходимостью всестороннего изучения вопроса кодификации института автономии воли сторон, а является сферой интересов конкретного автора. Исследование права КНР в качестве государства Восточной Азии явно недостаточно, чтобы делать выводы о правовой доктрине в данном регионе относительно исследуемого института международного частного права.

На с. 245 диссертации говорится о существовании некоего европейского подхода к регулированию отношений собственности с иностранным элементом, при этом нормативная база ЕС и практика Суда ЕС не исследуются в данной части работы. Понятие европейского подхода в работе не раскрывается, а исходя из плюрализма взглядов на проблему, отмеченных автором в виде четырех различных моделей регулирования правоотношений собственности (с. 241-242) при исследовании права России, Нидерландов, Венгрии и Швейцарии, вполне очевидно, что унифицированного «европейского подхода» к проблеме еще не сложилось. При анализе правовых систем иных государств количество вариантов регулирования исследуемых правоотношений может кратно увеличиться, и модели, приводимые автором, могут не охватить эти иные подходы. Данный вопрос остался не до конца исследованным в работе.

5) Отсутствие единообразия в моделях регулирования делает недостижимым и другой тезис, выносимый на защиту, о том, что «процессы унификации и гармонизации норм, регулирующих правоотношения

собственности, приобретают особенно важное значение». Позиция автора оказывается весьма двойственной: с одной стороны, в первом положении, выносимом на защиту, «делается вывод о формирующейся тенденции либерализации коллизионного регулирования права собственности, под которой понимается тенденция совершенствования законодательства в сфере коллизионного регулирования отношений собственности с целью создания благоприятных условий для ведения коммерческой деятельности с иностранным элементом». Данная либерализация предполагает усиление диверсификации правовых норм в зависимости от правового порядка, «расщепление коллизионных привязок и образование специальных коллизионных норм», «квалификацию понятий, содержащихся в коллизионных нормах, посвященных вещным правам, по праву, регулируемому основным материальное правоотношение». Получается, что либерализация ведет к регионализации правового регулирования и «смягчению» строгого права в пользу гибких национальных подходов. С другой стороны, в девятом выводе, выносимом на защиту, отмечается необходимость унификации норм, пороки расщепления коллизионных норм, негативная «размытость» «сфер действия правовых режимов имущества в МЧП». Первый и девятый выводы, выносимые на защиту, логически противоречат друг другу.

В заключение следует отметить, что диссертационное исследование А.Д. Суздалевой представляет собой результат серьезного труда, глубоких размышлений автора и критического анализа рассматриваемых проблем. Изложенные выше замечания в целом не уменьшают научной ценности работы, не влияют на ее общую положительную оценку ввиду актуальности темы исследования, его научной новизны и практической значимости выводов. Основные положения, содержащиеся в диссертации, нашли отражение в публикациях автора. Автореферат соответствует диссертационному исследованию.

ОБЩИЙ ВЫВОД: Диссертация Суздалевой Анастасии Дмитриевны на тему: «Особенности коллизионно-правового регулирования отношений собственности, осложненных иностранным элементом» отвечает требованиям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г. (ред. от 01.10.2018, с изм. от 26.05.2020) «О порядке присуждения ученых степеней», предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 12.00.03 – «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право». Автор указанной диссертации Суздалева Анастасия Дмитриевна, безусловно, заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» (по юридическим наукам).

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОППОНЕНТ:

Ерпылева Наталия Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, руководитель департамента правового регулирования бизнеса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

« 02 » ноября 2020 года

Подпись заверяю

02.11.2020

Контактные данные:

тел. 8(495)7713232; e-mail: nerpyleva@hse.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

12.00.03 – «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»

Адрес места работы:

101000 Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет права, департамент правового регулирования бизнеса